

УДК 342.1

*Е.А. Анчишина***РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ФИКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

Статья посвящена определению роли юридических фикций в современной правоприменительной практике. Автор раскрывает содержание данной категории, обращая внимание на отсутствие необходимости рассматривать фикцию как нечто ложное и противоречащее объективной действительности, и определяет значение юридических фикций, проводя детальный анализ их основных функций на примере гражданского законодательства РФ и соответствующей правоприменительной практики. При этом исследуется преимущественно его практический аспект. Основное внимание уделено защитной функции юридической фикции, суть которой, как показывает автор, заключается в восстановлении нарушенных прав и установлении баланса интересов сторон правоотношения, а также в защите прав третьих лиц. Особенности осуществления данной функции рассмотрены на примерах следующих фикций: фикции наступления условия или ненаступления условия; фикции наличия полномочий; фикции незаключенности договора. Автор приходит к выводу, что фикция как прием юридической техники используется не только законодателем, но и находит самостоятельное применение на практике, что отражают рассмотренные в настоящей статье разъяснения высших судебных инстанций.

Ключевые слова: юридическая фикция, юридическая техника, аналогия закона, приравнивание (распространение правового режима), защитная функция, фикция наступления (ненаступления) условия, фикция наличия полномочий, фикция незаключенности договора.

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-5-697-705

В современной юридической литературе за последние годы значительно вырос интерес к такому древнему, известному еще со времен римского права приему юридической техники, как юридическая фикция. Выполнен ряд диссертационных исследований, опубликованы монографии и многочисленные научные статьи как отраслевой, так и общетеоретической направленности¹. Такая актуальность обусловлена прежде всего теми задачами, которые данный институт призван решать на практике.

В целом под фикцией принято понимать некую ложную конструкцию.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова фикция определяется как «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности, а также вообще подделка»². Согласно словарю В.И. Даля, фикция – это «вещь или дело мнимое, вымышленное, плод воображения, морока»³.

Интересно, что именно по такому пути понимания данного явления первоначально пошла и юридическая мысль, взяв за основу латинское слово «fictio», которое означает нечто несуществующее, вымысел, выдумку. Именно с анализа этого термина и начинается практически любое научное исследование, посвященное правовой фикции. Такая интерпретация давала многим правоведам основание полагать, что природа рассматриваемого правового явления лежит в плоскости чего-то ложного, несоответствующего реальности. В связи с этим в российской правовой доктрине длительное время преобладала точка зрения на юридическую фикцию, которая была построена на понятиях истинности и ложности.

В качестве иллюстрации такой позиции обратимся к содержанию ряда научных изысканий дореволюционного периода. Так, в монографии Д.И. Мейера «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях», изданной в 1854 г., фикции рассматриваются как «вымыслы права» (fictiones juris). Ученый указывает, что фикция представляет собой «вымышленное

¹ В частности, Резиньков П.М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М.: РГБ, 2012 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). URL: <http://www.diss.rsl.ru>; Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный характер [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М.: РГБ, 2018 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). URL: <http://www.diss.rsl.ru>; Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. М.: Статут, 2013 и др.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru>

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т.4. С. 534.

существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде»⁴. В своей монографии «Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций» 1895 г. Г.Ф. Дормидонтов приходит к аналогичным выводам и отмечает, что «фикция принимает несуществующее существующим, или наоборот, следовательно, она есть ложь»⁵.

В советской правовой доктрине данная категория рассматривалась, как правило, не отдельно, а в контексте противопоставления ее правовым презумпциям. При этом в качестве основной отличительной черты фикции вновь указывалось отсутствие истинности. Так, например, в диссертационном исследовании 1969 г. В.К. Бабаевым проведено разграничение правовых презумпций и фикций по характеру их образования. По мнению ученого, «презумпции представляют собой нормативное закрепление того порядка отношений, который признается обычным, постоянным, нормальным и обладающим поэтому максимально высокой степенью вероятности. Закрепляемое же фикциями положение формулируется самим законодателем и с момента своего существования лишено истинности»⁶. При этом под фикцией В.К. Бабаев понимает «техничко-юридический прием, применяемый в праве, которым несуществующее положение (отношение) объявляется существующим, и в силу закрепления его в правовой норме приобретает юридически обязательный характер»⁷.

Однако на сегодняшний день такие объяснения фикции следует признать устаревшими. В частности, А.М. Ширвиндт в своей монографии «Значение фикции в римском праве» отмечает, что «...юридическая фикция не принимает один факт за другой, а сознательно сообщает одному факту правовое значение другого... Сознательно наделяя одну ситуацию правовым значением другой, юридическая фикция не вступает и не может вступить в конфликт с реальностью: утверждения типа "А не есть Б" и "да будет Б рассматриваться так, как если бы это было А" не находятся в состоянии противоречия, учитывая, что второе не содержит суждения об истинном положении дел»⁸. По мнению Е.А. Джазоян, «нельзя смешивать понятие идеального (абстрактного), к которому относится все право в целом и правовые фикции, в частности, с понятием ложного (неистинного) – ведь идеальный мир является во многом таким же "реальным", как физически осязаемый, и невозможность физически "пощупать" фикции еще не означает, что они являются чем-то ложным и противоречащим объективной действительности»⁹. В связи с этим интересным представляется утверждение О.Н. Садикова о том, что право в целом со всеми его институтами является «неимеющим вещественной физической субстанции результатом психической деятельности людей и в этом смысле его, если угодно, можно считать фикцией»¹⁰.

Тем не менее в современной юридической литературе по-прежнему в качестве основного признака фикции отмечается то, что «она провозглашает несуществующие в действительности обстоятельства существующими, т. е. представляет собой заведомую ложь в праве»¹¹.

В настоящее время юридическая фикция широко используется в российском законодательстве и правоприменительной практике. Так, более половины норм гражданского процессуального права построено на фикциях¹². Не меньшее признание данный прием юридической техники получил и в других отраслях права. Такое распространение фикций в праве связано с теми задачами и функциями, которые она выполняет. Юридические фикции обладают специфическими функциями, которые значительно отличаются от тех, что традиционно признаются за нормами права (регулирующими и охраны общественных отношений). Это обусловлено особой правовой природой фикций.

⁴ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. С. 2.

⁵ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 30.

⁶ Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. №4. С. 17.

⁷ Там же.

⁸ Ширвиндт А.М. Указ. соч. С. 32.

⁹ Джазоян Е.А. Категория фикции в гражданском праве [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М.: РГБ, 2006 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). URL: <http://www.diss.rsl.ru>. С. 4.

¹⁰ Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / под ред. О.Н. Садикова. М.: Юристъ, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalns.com/download/books/lib/civil-law/book-009.pdf>.

¹¹ Кузнецова О.А. Фикции в гражданском праве [Электронный ресурс]. С. 317. URL: <http://www.predprin.psu.ru>.

¹² Саркисян Л.Р. Юридические презумпции и фикции как приемы правотворческой техники: теоретико-методологические аспекты // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 484.

По мнению В.М. Горшенева, юридическая фикция относится к так называемым нетипичным нормативным предписаниям, которые он понимает как «предписания нестандартного характера, в которых отсутствуют те или иные свойства, признаки, моменты, объективно присущие классической норме права...»¹³. Автор полагает, что по отношению к норме права фикции имеют субсидиарный вспомогательный характер, выполняют роль «обстоятельств, дополняющих всю композицию права, связывающих все его элементы в единую целостность»¹⁴.

О.А. Кузнецова также приходит к выводу о том, что фикции выполняют особые вспомогательные функции в правовом регулировании, не совпадающие ни с предоставлением прав, ни с установлением обязанностей, ни с закреплением запретов, и не являющиеся ни регулятивными, ни охранительными в их строгом значении, хотя и относит фикции к специализированным нормам права¹⁵.

Таким образом, независимо от того, относят ли ученые фикции к особым нормативным предписаниям или считают их специализированными нормами права, все они сходятся в том, что фикции играют особую специфическую роль в правовом регулировании общественных отношений. Тем не менее следует оговориться, что для целей настоящей статьи под фикцией понимается специальный прием юридической техники.

Представляется необходимым обратиться к детальному анализу функций юридической фикции в его практическом аспекте, взяв за основу гражданское законодательство РФ и соответствующую правоприменительную практику. Прежде всего, рассмотрим такую ее функцию, как придание условного правового режима тому явлению (объекту), которому это не свойственно. Благодаря этому приему исключается необходимость введения громоздких правовых конструкций в законодательство, что, несомненно, приводило бы к определенным трудностям на практике. Ведь во многом правоприменительный процесс определяется характером и содержанием заложенной в норме юридической конструкции. Чем менее сложна и вариативна ее суть, тем больше вероятность единообразного понимания и применения ее на практике. В этом проявляется так называемое следование принципу экономии нормативно-правового материала¹⁶. В частности, в сфере гражданско-правового регулирования фикция с такой функцией заложена в норму п. 3 ст. 23 ГК РФ, согласно которой к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения.

Подобные правила нашли отражение и в судебной практике. Так, согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в соответствии с п. 4 ст. 50 ГК РФ некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. В этом случае на некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность (п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 6 ГК РФ)¹⁷.

Таким образом, благодаря использованию рассматриваемого приема юридической техники, в первом случае законодатель приравнял правовой статус индивидуального предпринимателя к коммерческим организациям, во втором случае Верховный Суд РФ фактически приравнял правовой статус некоммерческой организации к коммерческим организациям, если она осуществляет деятельность, приносящую доход, сославшись в обоснование своей позиции на применение аналогии закона. В связи с этим следует обратить внимание на то, что в юридической литературе последовательно проводится разграничение фикции и аналогии закона. В качестве основных отличительных признаков данных правовых явлений указываются следующие. Во-первых, аналогия закона презюмирует сходство обстоятельств, которые должны быть реальными, в то время как фикция всегда основана на

¹³ Горшенев В.М. Нетипичные нормативные положения в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113-117.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 324-325.

¹⁶ Саркисян Л.Р. Указ. соч. С. 484; Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 318.

¹⁷ URL: <https://rg.ru/2015/06/30/grkodeks-dok.html>

несуществующем обстоятельстве¹⁸, во-вторых, установление фикций является прерогативой законодателя, а аналогия закона предполагает ее реализацию на стадии применения права¹⁹. Хотя вышеприведенные примеры фактически стирают эту границу.

Фикция как инструмент приравнивания различных правовых явлений в целях экономии нормативного материала широко используется законодателем и в правилах об отдельных видах гражданско-правовых договоров. Так, в силу п. 2 ст. 567 ГК РФ договор мены приравнивается к договору купли-продажи и к нему, соответственно, применяются правила о купле-продаже (гл. 30), если это не противоречит правилам гл. 31 ГК РФ и существу мены. При этом каждая из сторон признается продавцом товара, который она обязуется передать, и покупателем товара, который она обязуется принять в обмен. Аналогичные этому в ГК РФ установлены правила, приравнивающие договор контрактации к договору поставки (п. 2 ст. 535 ГК РФ), договор дарения, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя, к завещанию (п. 3 ст. 572 ГК РФ).

Судебная практика также прибегает к использованию данного приема юридической техники в целях приравнивая правового режима объектов, по поводу которых стороны вступают в договорные отношения.

Так, в п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июня 2000 г. № 53 «О государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений» нежилые помещения приравниваются к зданиям и сооружениям в целях установления правила о государственной регистрации в отношении договоров аренды нежилых помещений. В частности, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал следующее: «Принимая во внимание то, что нежилое помещение является объектом недвижимости, отличным от здания или сооружения, в котором оно находится, но неразрывно с ним связанным, и то, что в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствуют какие-либо специальные нормы о государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений, к таким договорам аренды должны применяться правила пункта 2 статьи 651 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 2 статьи 651 Гражданского кодекса Российской Федерации договор аренды нежилых помещений, заключенный на срок не менее одного года, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации. Договор аренды нежилых помещений, заключенный на срок менее одного года, не подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента, определяемого в соответствии с пунктом 1 статьи 433 Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁰.

В этом случае Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ прямо не указывает на применение аналогии закона и не делает ссылку на п. 1 ст. 6 ГК РФ. При этом используемый им прием юридической техники определенно обладает признаками фикции.

В некоторых случаях законодатель применяет фикцию для придания правового значения тем или иным явлениям, которые в силу своего характера могут таковым и не обладать. В частности, согласно п. 3 ст. 158 ГК РФ, молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон. Таким образом, к сделке приравнивается поведение, которое по своей сути может и не быть осознанным волеизъявлением, может являться «следствием элементарной нерасторопности, незнания соответствующим лицом закона, который придает такое значение его молчанию, невнимательного отношения этого лица к аналогичным положениям договора и т.п. В результате нормирования молчания сделкой признается поведение лица независимо от направленности его воли на порождение данных правовых последствий»²¹.

В ряде случаев, как справедливо отмечает Л.Р. Саркисян, использование фикции при конструировании норм права является единственно возможным средством регулирования общественных отношений в сложной ситуации невозможности неизвестности²². Таковой, в частности, является юри-

¹⁸ Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 91-101.

¹⁹ Сапрыкина Н.А. Отличие фикций от смежных конструкций (элементов) в налоговом праве // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2017. № 2. С. 194.

²⁰ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27636/.

²¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 214-215.

²² Саркисян Л.Р. Указ. соч. С. 485.

дическая фикция, закрепленная ст. 42 ГК РФ о признании гражданина безвестно отсутствующим, в силу которого гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания. При невозможности установить день получения последних сведений об отсутствующем началом исчисления срока для признания безвестного отсутствия считается первое число месяца, следующего за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем, а при невозможности установить этот месяц – первое января следующего года. Аналогичным образом сконструировано и правило ГК РФ об объявлении гражданина умершим (ст. 45 ГК). Согласно данной норме, гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, – в течение шести месяцев. Днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. В случае объявления умершим гражданина, пропавшего без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, суд может признать днем смерти этого гражданина день его предполагаемой гибели и указать момент его предполагаемой гибели. В приведенных примерах фикции выполняют функцию восполнения неопределенности в правоотношениях. Таким образом, законодатель вносит строгую определенность в решение всех юридических вопросов, связанных с признанием гражданина умершим и безвестно отсутствующим (наследование имущества, прекращение брака, прекращение фидуциарных гражданских правоотношений).

Как указывает О.А. Кузнецова, некоторые фикции призваны устранять недостатки в правоотношениях, допущенные его участниками²³. В качестве примера она приводит норму п. 1 ст. 614 ГК РФ, согласно которой в случае, когда договор аренды не определяет порядок, условия и сроки внесения арендной платы, считается, что установлены порядок, условия и сроки, обычно применяемые при аренде аналогичного имущества при сравнимых обстоятельствах. Здесь, на наш взгляд, корректнее говорить не об устранении недостатков, а о восполнении недостающего условия сделки. Следует отметить, что аналогичные правила предусмотрены ГК РФ и в отношении иных гражданско-правовых договоров (п. 1 ст. 485, п. 1 ст. 709 ГК РФ).

Одной из важнейших функций юридической фикции является ее защитная функция, суть которой заключается в восстановлении нарушенных прав и установлении баланса интересов сторон правоотношения, а также в защите прав третьих лиц. Такая роль, в частности, отведена фикции наступления условия или ненаступления условия, предусмотренная п. 3 ст. 157 ГК РФ. Согласно данной норме, если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим. И наоборот, если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим. В данном случае законодатель применил такой прием юридической техники в целях защиты от недобросовестного поведения одной из сторон сделки. При этом пострадавшая сторона может прибегнуть к данному правилу как к своего рода санкции в отношении недобросовестного контрагента.

В судебной практике фикция наступления/ненаступления условия применяется не только в отношении условных сделок, но и по аналогии закона к обязательствам, срок исполнения которых поставлен под условие. Так, в силу п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», если наступлению обстоятельства, с которым связано начало течения срока исполнения обязательства, недобросовестно воспрепятствовала или содействовала сторона, которой наступление или ненаступление этого обстоятельства невыгодно, то по требованию добросовестной стороны это обстоятельство может быть признано, соответственно, наступившим или ненаступившим (п. 1 ст. 6, ст. 157 ГК РФ)²⁴. В качестве примера можно привести договор купли-продажи товара на условиях самовывоза с оплатой товара в течение определенного срока после его приемки покупателем, когда покупатель, уведомленный о готовности товара, не является за ним, тем самым препятствуя наступлению условия для созревания его обязательства по оплате. Фикция наступления условия для оплаты в данном случае дает продавцу право на взыскание долга. Такое право продавца закреплено в п. 4 ст. 486 ГК РФ.

²³ Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 318.

²⁴ URL: <https://rg.ru/2016/12/05/plenum-dok.html>

Аналогичную функцию выполняет фикция наличия полномочий. Относительно недавно на страницах цивилистической литературы получило довольно большую популярность обсуждение доктрины видимости полномочий, имеющую широкое применение и детальное обоснование в зарубежных правовых системах, в российской же правовой науке в этой части наблюдается определенный пробел, на что, в частности, указывает А.Г. Карапетов²⁵. Суть данной доктрины заключается в том, что право признает за определенным лицом наличие полномочий при фактическом их отсутствии для защиты интересов третьих лиц. Иными словами, в этом случае мы имеем дело с фикцией полномочий, поскольку воля представляемого на наделение ими отсутствует.

Одним из примеров ее применения является институт полномочий в силу обстановки. Основная задача института состоит в защите гражданского оборота посредством наделения лиц полномочиями в силу фактических обстоятельств, при которых добросовестный участник оборота может сделать очевидный вывод о наличии у такого лица соответствующих полномочий (в частности, права на принятие исполнения по договору, подписание актов, выдачу товара и т. д.)²⁶. Интересно, что ГК РФ в этом случае указывает лишь на несколько обстоятельств, которые свидетельствуют о наличии у лица полномочий из обстановки. Перечень таковых является открытым, поскольку их перечисление в законе невозможно в силу многообразия всех жизненных обстоятельств, которые он априори охватить не может. И тут вступает в силу еще одна функция фикции. Данный прием юридической техники обладает большей гибкостью как регулятор общественных отношений по сравнению с установлением самостоятельного правила поведения, отраженного в конкретной норме права.

Судебная практика выявила следующие случаи явствования полномочий из обстановки. Так, полномочие может определяться местом совершения сделки, должностным положением, устоявшейся практикой взаимоотношений сторон, доступом к рабочему месту и печати организации и т. д. Во всех этих случаях происходит определенное правовое вменение, а именно, «вменение представляемому той обстановки, исходя из которой постороннее лицо могло предположить, что у представителя имеется нормальное полномочие, производное от воли представляемого»²⁷. В таком случае противоположная воля представляемого правового значения иметь не будет.

Другим примером доктрины видимости полномочий является институт защиты интересов третьего лица при отмене доверенности представляемым. Российский закон предусматривает, что представляемый может в любой момент отменить выданную доверенность (ст. 188 ГК РФ). Согласно п. 3 ст. 189 ГК РФ, представитель, узнавший об отмене доверенности, должен немедленно вернуть доверенность представляемому. Но представитель может не сделать этого и совершить сделку с третьим лицом, умолчав о прекращении действия доверенности. На этот случай ГК РФ установил следующее правило: если третьему лицу предъявлена доверенность, о прекращении которой оно не знало и не должно было знать, права и обязанности, приобретенные в результате действий лица, полномочия которого прекращены, сохраняют силу для представляемого и его правопреемников (п. 2 ст. 189 ГК РФ). Таким образом, мы вновь имеем дело с фикцией полномочий, установленной для защиты интересов участников гражданского оборота. И в этом случае также утрачивает правовое значение противоположная воля представляемого.

Интересно, что законодатель для обеспечения интересов представляемого также вводит фикцию (фикцию извещения третьих лиц), которая лишает третьих лиц права ссылаться на свою добросовестность и применение доктрины видимости полномочий. Так, в силу п. 1 ст. 189 ГК РФ третьи лица считаются извещенными об отмене предъявленной им доверенности либо на следующий день после внесения сведений об этом в реестр нотариальных сделок (в случае нотариальной формы отмены доверенности), либо по истечении одного месяца со дня опубликования таких сведений в официальном издании, в котором опубликовываются сведения о банкротстве (в случае простой письменной формы отмены доверенности).

²⁵ URL: <https://zakon.ru/blog/2012/11/27>.

²⁶ Чупрунов А.С. Полномочия представителя следуют из обстановки. Как развивается практика последние несколько лет // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 4. С. 28.

²⁷ Сделки, представительство, исковая давность: сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ / Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Российская школа частного права; сост., отв. ред. А.В. Егоров. М.: РШЧП, 2017. С. 30.

В целях защиты гражданского оборота законодателем введена также фикция незаключенности договора. Согласно п. 3 ст. 433 ГК РФ, договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом. Суть данного правила сводится к следующему. Наступление правовых последствий сделки, в отношении которой законом предусмотрена обязательная государственная регистрация, в виде эффекта этой сделки для третьих лиц произойдет после ее государственной регистрации. Что касается правового эффекта в виде возникновения договорных прав и обязанностей сторон сделки по отношению друг к другу, то он наступает с момента достижения сторонами либо соглашения по всем существенным условиям договора в требуемой в подлежащих случаях форме (п. 1 ст. 432 ГК РФ), или, если договор является реальным, с момента передачи вещи, являющейся его предметом (п. 2 ст. 433 ГК РФ). Данное положение ранее существовало на уровне разъяснений судебной практики, а затем уже было воспринято законодателем и закреплено в п. 3 ст. 433 ГК РФ.

Так, в п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 (ред. от 25 декабря 2013 года) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» указывалось следующее:

«В случае если стороны достигли соглашения в требуемой форме по всем существенным условиям договора аренды, который в соответствии с названным положением подлежит государственной регистрации, но не был зарегистрирован, то при рассмотрении споров между ними судам надлежит исходить из следующего.

Если судами будет установлено, что собственник передал имущество в пользование, а другое лицо приняло его без каких-либо замечаний, соглашение о размере платы за пользование имуществом и по иным условиям пользования было достигнуто сторонами и исполнялось ими, то в таком случае следует иметь в виду, что оно связало их обязательством, которое не может быть произвольно изменено одной из сторон (ст. 310 ГК РФ), и оснований для применения судом положений ст. 1102, 1105 этого Кодекса не имеется. В силу ст. 309 ГК РФ пользование имуществом должно осуществляться и оплачиваться в соответствии с принятыми на себя стороной такого соглашения обязательствами.

Если названным соглашением установлена неустойка за нарушение условий пользования имуществом, она подлежит взысканию с должника. В то же время в силу ст. 308 ГК РФ права, предоставленные лицу, пользующемуся имуществом по договору аренды, не прошедшему государственную регистрацию, не могут быть противопоставлены им третьим лицам. В частности, такое лицо не имеет преимущественного права на заключение договора на новый срок (п. 1 ст. 621 ГК РФ), а к отношениям пользователя и третьего лица, приобретшего на основании договора переданную в пользование недвижимую вещь, не применяется п. 1 ст. 617 ГК РФ»²⁸.

Пунктом 2 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, утвержденного Информационным письмом Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165, предусмотрено, что совершенный в надлежащей форме договор, все существенные условия которого согласованы сторонами, однако требуемая государственная регистрация которого не осуществлена, не порождает всех последствий, на которые он направлен, до осуществления регистрации. Вместе с тем такой договор уже с момента достижения сторонами соглашения по всем его существенным условиям влечет правовые последствия в отношениях между ними, а также может породить весь комплекс последствий, на которые он непосредственно направлен, после государственной регистрации. В силу п. 4 данного Обзора судебной практики государственная регистрация договора аренды недвижимости имеет целью защиту интересов третьих лиц, которые могут приобретать права на эту недвижимость. Она создает для таких лиц возможность получить информацию о существующих договорах аренды, заключенных в отношении недвижимой вещи. Вместе с тем заявление приобретателя недвижимого имущества об отсутствии государственной регистрации договора аренды, о наличии которого он знал в момент приобретения недвижимости, является злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ)²⁹.

Верховный Суд РФ в настоящее время дополнил вышеприведенные разъяснения, указав в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о

²⁸ URL: http://www.arbitr.ru/arxiv/post_plenum/81907.html

²⁹ URL: http://www.arbitr.ru/arxiv/vas_info_letter/105226.html

заключении и толковании договора», что договор, подлежащий обязательной государственной регистрации, при отсутствии таковой не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении. Момент заключения такого договора в отношении его сторон определяется по правилам пп. 1 и 2 ст. 433 ГК РФ³⁰. Для консенсуального гражданско-правового договора таким моментом будет момент достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора, а для реального – момент передачи соответствующего имущества.

Таким образом, рассматриваемая фикция так же, как фикция наличия полномочий, направлена на защиту интересов участников гражданского оборота при условии их добросовестности.

Примечательно, что на страницах юридической литературы защитная функция юридических фикций практически не упоминается. Иногда авторы ограничиваются общей фразой о том, что фикция выполняет функцию по охране различных интересов³¹. В ряде случаев фикцию рассматривают как меру государственного принуждения за совершение правонарушения³². Во многом сложившаяся ситуация обусловлена тем, что общепринятым считается непризнание за фикцией охранительной функции. Однако вышеприведенные примеры из гражданского законодательства и судебной практики показывают, что фикция применяется в определенных случаях исключительно в целях защиты интересов добросовестных участников общественных отношений. В связи с этим представляется достаточно обоснованным и необходимым выделять в качестве самостоятельной функции фикции защитную.

В результате проведенного анализа норм гражданского законодательства РФ и правоприменительной практики можно назвать следующие функции юридических фикций:

- функция преодоления неопределенности в правоотношениях;
- функция экономии нормативно-правового материала;
- функция приравнивания (распространения правовых режимов) различных объектов (правовых явлений);
- защитная функция.

Обращает на себя внимание и тот факт, что фикция как прием юридической техники используется не только законодателем, но и находит самостоятельное применение на практике, что отражают многочисленные разъяснения высших судебных инстанций (постановления Пленумов Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ; обзоры судебной практики), часть из которых были приведены в качестве примеров в настоящей статье.

Поступила в редакцию 12.07.2020

Анчишина Евгения Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1 (корп. 4)
E-mail: anchishina@list.ru

E.A. Anchishina

THE ROLE OF LEGAL FICTIONS IN MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-5-697-705

This article is devoted to defining the role of legal fictions in modern law enforcement practice. To do this, the author reveals the content of this category, paying attention to the absence of the need to consider fiction as something false and contrary to objective reality. Further, the author defines the meaning of legal fictions, conducting a detailed analysis of their main functions on the example of the civil legislation of the Russian Federation and the corresponding law enforcement practice. At the same time, its practical aspect is mainly studied. The main attention is paid to the protective function of legal fiction, the essence of which, as the author shows, is to restore violated rights and establish a balance of interests of the parties to the legal relationship, as well as to protect the rights of third parties. The features of this function are considered on the examples of the following fictions: fiction of the occurrence of a condition or non-

³⁰ URL: <https://rg.ru/2019/01/11/dogovor-dok.html>

³¹ Зацепина О.Е. К вопросу о сущности правовой фикции. Пролог: журнал о праве. 2017. № 2. С. 9.

³² Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 318.

occurrence of a condition; fiction of the presence of powers; fiction of non-conclusion of a contract. The author comes to the conclusion that fiction as a method of legal technique is used not only by the legislator, but also finds independent application in practice, which is reflected in the explanations of higher courts considered in this article.

Keywords: legal fiction, legal technique, analogy of the law, equalization (extension of the legal regime), protective function, fiction of occurrence (non-occurrence) of a condition, fiction of presence of powers, fiction of non-conclusion of a contract.

Received 12.07.2020

Anchishina E.A., Candidate of Law, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: anchishina@list.ru